

АЛЕКСЕЙ НЕБОХODOB

ПОЛЁТОВ 2

18+

Алексей Небоходов

Полётов 2

«Автор»

2026

Небоходов А.

Полётов 2 / А. Небоходов — «Автор», 2026

Полётов вернулся — чтобы рассказать всё до конца. «Полётов 2» — книга о том, как пятнадцать стариков в прокуренной комнате голосуют за убийство певца, потому что его песни оказались больше их орденов. Книга о человеке, который знает дату, место и сценарий чужой смерти — и не может сделать ни одного звонка, потому что система убивает своих быстрее, чем чужих. Та же система предложит ему выследить тех, кто отправил его женщину под пули, — и он согласится из злости, которой некуда деться. Здесь есть любовь между двумя профессиональными лжецами, давно потерявшими границу между заданием и чувством. Самолёт, который взорвётся при посадке, и единственный выживший, которого месяц будут допрашивать в подвале, потому что выжить подозрительнее, чем погибнуть. Ночной звонок из Израиля и четыре слова, которые могут оказаться правдой, а могут быть последним блефом. Для тех, кто прочитал первую книгу и подумал, что знает Полётова: вы видели его только снаружи, а теперь — добро пожаловать внутрь.

© Небоходов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Конверт	5
Глава 2. Партсобрание и приговор	11
Глава 3. Стрелок	20
Глава 4. Кто виноват и что делать?	26
Глава 5. Замуж всерьёз	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Небоходов

Полётов 2

Глава 1. Конверт

Леонид Полётов провёл на Балканах восемь лет в полном одиночестве.

Его дом на южном склоне высокого холма представлял собой каменную коробку из тесаного известняка, возведённую ещё при Тито, с просевшей черепичной крышей с восточной стороны. Перед домом простиралась терраса на массивных деревянных столбах, откуда в ясную погоду были видны красные крыши трёх деревень, причём каждая лежала в другой стране. Дом был обставлен тяжёлой дубовой мебелью, кухня оснащена эмалированной посудой со сколами, а кухонный стол пересекала трещина через всю столешницу. Леонид каждое утро выскребал из этой трещины хлебные крошки кончиком ножа — ритуал, ставший частью его быта, наравне с работой над рукописью, прогулкой по горной тропе и глотком ледяной воды из стекающего с гор ручья.

Режим дня Полётова был выстроен жёстко: любое отступление от заведенного порядка могло подорвать то единственное, что держало его. Утро занимала рукопись, в полдень приходила Мария — болгарка, работавшая на него уже два года и знавшая все его привычки, — и готовила стейк или баранину, купленную у местных фермеров. Затем Леонид отправлялся на прогулку по горной тропе, где ему был знаком каждый камень — маршрут он составлял так, чтобы не пересечься ни с местным пастухом, ни со случайным туристом. Вечер проводил у камина с бокалом ракии, читая Борхеса на испанском, потом засыпал. Назавтра все повторялось с педантичной точностью. Этот дом стал для него своеобразной конечной точкой, за которой не было ни пути, ни причины бежать дальше.

Москву Леонид покинул без шума и почти без сожалений: закрыл дверь квартиры и переехал сюда, в тишину, которая поначалу оглушала, а через несколько месяцев стала единственным переносимым состоянием. До отъезда Полётов был журналистом — автором острых колонок в забытых ныне изданиях. Писал он хлёстко, с интонацией человека, который знает изнанку событий, но никогда не рассказывает, откуда берёт информацию. Читатели ценили это и не задавали лишних вопросов.

Но знания его брались из области, куда обычная журналистика не заглядывает. До работы в газетах, под другими именами, Леонид был агентом влияния — не шпионом с рацией и микроплёнкой, а специалистом тончайшей и самой грязной работы: его внедряли в политические, националистические и культурные круги, чтобы одним присутствием, взглядом или словом менять настроения, перекраивать расклады и подталкивать людей к решениям, которые те считали своими. Полётов покинул эту сферу, расплатившись всем, что имел.

О нём давно забыли. По крайней мере, ему так казалось, пока три дня назад в дверь не постучали.

Стук был не привычный, тихий, как у Марии, и не короткий условный — как у Зорана с соседнего хутора. Стук был незнакомым и настойчивым.

Полётов открыл — перед ним стояла женщина лет двадцати пяти, в мятых джинсах и блузке, потемневшей от пота, с рюкзаком за плечами. Кроссовки покрывала рыжая пыль местной глинистой почвы, на щеке краснела царапина от ветки. Лицо казалось не столько красивым, сколько запоминающимся: острые скулы, твёрдый подбородок, тёмные глаза. Женщина смотрела прямо, без извинения за вторжение.

Её звали Марина Косичкина, журналистка из Москвы. Незадолго до этого её задержала местная полиция по звонку встревоженного хозяина, у которого она снимала комнату: Марина

допытывалась у крестьян, показывала фотографии Полётова, выясняла, где именно находится его дом. Полицейский позвонил Леониду с извинениями и попросил поговорить с ней, иначе она продолжит свои поиски, тревожа местных жителей. Полётов согласился: лучше контролируемое вторжение, чем стихийное.

Он впустил её, рассчитывая на стандартное интервью с заготовленными фразами о прелестях уединения, а затем — на то, что журналистка удалится во свояси. Но разговор между ними сложился иначе, и впервые за долгие годы Леонид заговорил по-настоящему. Марина слушала его не как репортёр с диктофоном и готовой схемой статьи, а внимательно, не торопя. Не перебивала, не уточняла, устроилась напротив на жёстком стуле, поджав ногу, и ждала ровно столько, сколько ему требовалось, чтобы найти слова для того, что оставалось невысказанным тридцать с лишним лет.

В первую же ночь они оказались в одной постели. Марина вошла к нему без приглашения, без флирта и без сомнений: просто села на край скрипучей кровати и посмотрела так, будто решение было принято задолго до встречи. Полётов не стал её останавливать — не потому, что не мог, а потому, что впервые за долгие годы не хотел. Каждую ночь она оставалась, а он не просил уйти. Днём были его исповедь, её молчание и ракия на двоих, ночью — её тело, его голод, смятые простыни и переплетённые пальцы в темноте. Откровение и близость смешались настолько, что Леонид перестал понимать: говорит ли он о гибели Ирины потому, что доверяет Марине, или потому, что час назад целовал её плечи, раздевает ли её от желания или потому, что она только что расплакалась, рассказывая про Елену.

За три дня и три ночи Полётов выложил всё, что хранил годами. Об Елене Павлиновой — кинозвезде и первой своей любви, которую терял трижды и каждый раз возвращал слишком поздно. Об Ирине Ворониной — дочери националиста, в которую влюбился и любил, пока снайперская пуля не оборвала её на полуслове у Белого дома в октябре девяносто третьего. О Самюэле Донго — чернокожем друге по студенческой общаге, ставшем президентом африканской страны, и о том, как власть уничтожила тех, кого он любил. О долгих годах двойной жизни, где каждое слово и каждое касание были рассчитаны, а близость служила инструментом влияния.

На третий вечер, когда солнце садилось за горы, Полётов ощутил лёгкую пустоту — почти свободу, какой не чувствовал давно. Марина, сидевшая напротив, вдруг изменилась: из взгляда ушло и журналистское упрямство, и недавняя нежность, а осталось что-то другое — решимость человека, который слишком долго откладывал главное. Она потянулась к сумке, достала плотный светло-бежевый конверт без марки и обратного адреса и положила его на стол.

— Меня попросили передать это тебе, — сказала тихо.

Полётов посмотрел на конверт, потом на неё, медленно открыл клапан. На стол высыпались фотографии и сложенный пополам лист — и лицо Леонида менялось с каждой секундой, пока на нём не застыло выражение, которого Марина никогда прежде не видела: не боль, не гнев, а глухое потрясение.

Руки его задрожали, дыхание сбилось, и конверт едва не выскользнул из пальцев. За окном прозвучал первый раскат грома надвигающейся грозы.

— Останься, — произнёс Полётов, не оборачиваясь.

— Я не уйду, — ответила Марина.

Воздух после дождя стал прозрачным — таким он бывает только в горах, когда ночной ливень вымоет небо дочи́ста. Капли на оливковых ветвях за окном поблёскивали в первых лучах рассвета, а небо расчистилось до синевы без единого облака. Полётов сидел за деревянным столом в кухне, прислушиваясь к тому, как капает вода с карниза, и ладонь его невольно поглаживала конверт, лежащий между ним и Мариной.

Старая эмалированная кружка с кофе грела пальцы — голубая, с белыми крапинками, с чуть облупившимися краями — такие были в каждом советском доме. Марина молчала, держа свою обеими руками, как будто ей было холодно, хотя утро выдалось тёплым.

Леонид взял конверт и аккуратно раскрыл его. Оттуда выскользнули четыре фотографии — чёрно-белые, с чуть размытыми краями, с жёстким контрастом оперативных снимков, сделанных в спешке. Старая фотобумага едва слышно шелестнула, ложась на стол.

— Девяносто первый год, — произнёс Полётов, разглаживая снимки. — Служебный вход концертного зала «Юбилейный». За кулисами. После убийства.

На первом снимке — коридор, ведущий к гримёркам: опрокинутые стулья, разбросанные программки концерта, а в углу — тёмное пятно крови на светлом линолеуме. Марина чуть подалась вперёд, вглядываясь.

— Снимки сделаны для внутреннего пользования, — добавил Леонид, глядя не на них, а куда-то мимо. — Прессе их никогда не показывали.

На втором — гримёрка с разбитым зеркалом. На столике лежала раскрытая косметичка, рядом — опрокинутый флакон одеколona, растёкшийся по столику тёмной лужицей. В осколках зеркала отражался силуэт человека с камерой.

Третий снимок был самым тяжёлым. Тело на полу, лицом вниз, кровь растеклась по линолеуму неровным пятном вокруг головы. Концертный пиджак с атласными отворотами на рукавах был измят и задран, обнажая белую рубашку, пропитавшуюся чем-то тёмным. Одна рука вывернута под неестественным углом, пальцы скрючены, а волосы слиплись от крови. Лица не было видно.

— Андрей Стрельцов, — сказал Полётов негромко. — Ему было тридцать пять.

На последнем снимке — группа людей в углу коридора: кто-то в милицейской форме, кто-то в штатском, никто не смотрел в камеру. Один, в сером костюме, что-то записывал в блокнот, а на заднем плане женщина закрывала лицо руками.

Леонид аккуратно сложил снимки обратно в конверт, и Марина заметила, что руки его едва заметно дрожат.

— Есть ещё кое-что, — сказал он и вынул сложенный вдвое лист бумаги.

Письмо было напечатано на обычном принтере, но подпись в конце стояла от руки — твёрдым почерком. Полётов развернул лист и положил перед Мариной так, чтобы она могла прочесть.

«Лёня, если ты это читаешь, значит, Марина Косичкина выполнила мою просьбу и передала конверт. Не сердись на неё — она действительно журналист и действительно расследует убийство Стрельцова по собственной инициативе. Но она также — мой человек. Я попросил её найти тебя, когда узнал о её расследовании.

Дело Стрельцова не закрыто. Оно никогда не было закрыто по-настоящему. Мы оба знаем, что официальная версия — дымовая завеса. Тридцать с лишним лет — достаточный срок, чтобы кое-что всплыло на поверхность, особенно теперь, когда многих участников событий уже нет в живых.

Марине можно доверять. Расскажи ей всё, что знаешь. Все думают, что ты был там в ту ночь, Лёня. Но мы оба знаем правду.

Дело не только в справедливости для Стрельцова. Я думаю, что его убийство — часть цепочки, которая тянется до наших дней. И если мы не разорвём её сейчас, это может плохо кончиться.

Решать тебе. Но помни: то, что человека не было на месте преступления, иногда опаснее того, что он там был.

Искренне твой, Н. В.»

Полётов медленно вдохнул, но дыхание перехватило. Побелевшие пальцы вцепились в край стола.

Марина не отрываясь смотрела ему в лицо.

— Так вот зачем ты здесь, — сказал он наконец.

— Не совсем, — она покачала головой, и голос прозвучал глуше обычного. — Я действительно начала расследование сама. Никто меня не направлял. Генерал Волков связался со мной только после того, как узнал, что я занялась этим делом.

— Николай Волков, — Полётов кивнул. Имя, не указанное в письме, но очевидное по инициалам. — Старая школа.

Леонид поднял глаза на Марину. Лицо у него было серое, землистое, как бывает после плохого сна.

Оба замолчали. Тридцать с лишним лет прошло, и вот теперь — просьба говорить. Журналистка сидела неподвижно и ждала — она знала, что торопить не нужно.

Утренний свет заполнил кухню, и морщины Полётова стали резче, а пальцы, сжимающие бумагу, — блее. Всё стало слишком видно.

Леонид медленно провёл пальцем по подписи в конце письма — инициалы «Н. В.» были выведены с нажимом, оставившим на бумаге едва заметные вмятины.

Когда он посмотрел на Марину, лицо его было спокойным — даже странно спокойным.

— Почему ты с самого начала не сказала мне об этом письме? — голос Полётова прозвучал ровно, без нажима.

Марина чуть наклонилась вперёд. Луч из окна коснулся её щеки, осветив тени под глазами.

— Я не могла, — она произнесла это просто, без оправданий.

— Не могла или не хотела? — Леонид не повысил голос, но в нём появился холод.

Марина глубоко вдохнула.

— Я веду расследование убийства Стрельцова уже больше года, — начала она, и пальцы машинально обхватили чашку с остывшим кофе. — Это мой проект, никто не заставлял меня этим заниматься — по крайней мере, вначале.

Леонид слушал, не перебивая.

— Я работала с архивами, разговаривала со свидетелями, — Марина выдержала паузу. — Твоё имя встречалось в нескольких документах, но без деталей, без контекста. Идея взять у тебя интервью возникла отдельно: я хотела написать про человека старой школы, который видел, как менялся мир. Мне было интересно.

— И не только профессионально? — спросил Полётов.

— Да, — просто ответила она. — Не только. Я читала твои статьи, изучала биографию. Ты казался мне интересным.

На мгновение их взгляды встретились, и журналистка тут же отвела глаза.

— Волков связался со мной позже, когда узнал, что я работаю над этой темой. Сказал, что у него есть информация, которая может мне помочь, но с условием — я должна лично передать тебе это письмо и фотографии. Не сразу, а когда решу, что момент подходящий.

— То есть, — медленно произнёс Леонид, поднимаясь из-за стола и подходя к окну, — сначала ты явилась в мой дом, потом выпытала все подробности моей жизни, и только теперь переходишь к тому, что действительно важно.

В его голосе звучала горечь, от которой Марина поёжилась. Полётов стоял к ней спиной, прямой и неподвижный.

— Я не рассчитывала... — начала она и запнулась.

— На что ты не рассчитывала, Марина? — он не поворачивался. — На то, что я поверю? На то, что между нами что-то возникнет? На то, что мне будет паршиво?

Она покраснела — не ровным румянцем, а пятнами, выступившими на щеках и шее.

— На всё это, — призналась вполголоса. — Я не рассчитывала, что между нами что-то завяжется. Это вышло само.

За окном умытые ливнем листья олив сверкали в утреннем солнце. Но здесь, внутри кухни, ничего не прояснилось.

— Я должен был догадаться, — произнёс Леонид, всё ещё глядя в окно. — Слишком молодая, слишком настойчивая, слишком подготовленная. И вопросы — всё про прошлое, а не про статьи. Странно, что не заподозрил раньше.

Полётов обернулся, и теперь свет бил ему в спину, скрывая лицо.

Марина опустила голову, разглядывая собственные руки на столе — худые, с ненакрашенными ногтями и острыми костяшками.

— Генерал не принуждал меня, — заговорила она снова. — Он просто сказал, что гибель Стрельцова связана с нынешней политической ситуацией. Что те же люди, которые стояли за убийством, сейчас занимают высокие посты. И что ты, — Марина на мгновение запнулась, — единственный, кто может подтвердить кое-что.

Леонид вернулся к столу и сел. Теперь он смотрел на неё не мигая.

— Хорошо, что ты хоть сейчас говоришь прямо, — сказал он. — Хотя Волков наверняка объяснил тебе, что лучший способ завоевать доверие — признать часть вранья, чтобы замаскировать остальное.

Марина подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза — твёрдо, не отводя взгляда.

— Я действительно журналист, — сказала она. — Это не прикрытие. Я занимаюсь расследованиями, пишу статьи, это моя работа. То, что я согласилась помочь Волкову, не делает меня агентом. Я хотела докопаться до сути. И хочу.

Спина Марины выпрямилась, плечи расправились.

— У нас у всех есть свои причины, Леонид, — добавила она, понизив голос. — У меня — интерес к твоему прошлому. У тебя — потребность выговориться после стольких лет молчания. У Волкова — что-то своё, и мы можем только гадать. Но убийца до сих пор не найден, а семья так ничего и не знает.

Полётов не сводил с неё глаз.

— Семья? — переспросил он.

— У него была жена, — ответила Марина, доставая из папки фотографию и осторожно поворачивая её к Леониду. — И сын. Мальчику тогда было пять, сейчас ему тридцать шесть. Я встречалась с ним в апреле.

Леонид на мгновение прикрыл глаза.

— Ты хорошо делаешь свою работу, — сказал он, выдержав долгую паузу.

— Стараюсь, — просто ответила Марина.

Снова повисла тишина, но другая — что-то сдвинулось. Теперь оба знали правила.

— Что конкретно тебя интересует в гибели Стрельцова? — спросил Леонид, подняв голову. — Официальные версии ты знаешь, газетные статьи читала. Чего ты ждёшь от меня?

Марина чуть подалась вперёд — движение едва заметное, но Полётов его уловил.

— Всё, что ты знаешь об этом, — сказала она. — Убийство произошло в зале «Юбилейный» восьмого октября девяносто первого года. В гримёрке произошла драка, его застрелили. Стрелявший неизвестен.

Журналистка говорила размеренно, без эмоций, излагая одни факты.

— Экспертиза показала, что стреляли в упор, — продолжила она. — Оружия так и не нашли. Свидетели путались: кто-то говорил о троих в масках, кто-то — об одиночке, кто-то слышал разговор перед выстрелом, а кто-то — нет.

— Многие хотели заставить Стрельцова замолчать, — произнёс Леонид. — Его песни были злые, в них доставалось всем — и коммунистам, и новоявленным демократам. Концерты собирали огромные залы, но с каждым месяцем получать разрешение на выступление становилось всё труднее.

Полётов повертел чашку в руках и заговорил тише:

— Убийство такого человека — сигнал. Чтобы остальные поняли, где кончается дозволенное.

Марина не двигалась.

Леонид встретился с ней взглядом. В памяти всплыло лицо Стрельцова — живое, с насмешливыми глазами и упрямым ртом. Блокнот журналистки лежал нетронутым — она не сделала ни единой записи с начала разговора.

Через открытое окно доносилось пение птиц и далёкий звон косы — кто-то из местных начал утреннюю работу.

Когда Леонид заговорил, голос его звучал глуше.

— После провала ГКЧП всё должно было закончиться, — начал он. — Старый режим пал, начиналась новая жизнь, многие радовались. Но кое-кто понимал: там, где рушится система, пустое место заполняют не идеалы, а конкретные люди с конкретными деньгами.

Полётов сделал глоток остывшего кофе, поморщился от горечи и продолжил:

— Стрельцов видел то, что другие предпочитали не замечать: за лозунгами — делёж, за демократией — кланы, за свободой — рынок. И он пел об этом. Без оглядки на то, нравится это кому-то или нет.

Полётов провёл ладонью по лицу, словно стирая невидимую паутину воспоминаний, и встретился глазами с Мариной:

— Всё началось с телефонного звонка. Обычный рабочий день в «Мосгортрансе», я перебирал какие-то бумаги, когда зазвонил внутренний телефон.

Глава 2. Партсобрание и приговор

Тот телефонный звонок прозвучал в кабинете на излёте рабочего дня. Полётов поднял голову от бумаг, вдыхая сухой воздух казённого помещения, в котором витала пыль и слабый запах чая. Через грязные стёкла окон, выходящих на Раушскую набережную, просачивался тусклый сентябрьский свет — очередной день в «Мосгортрансе» подходил к концу.

Чёрный дисковый аппарат с истёртым корпусом дребезжал на краю стола. В общем кабинете кроме Полётова оставались две сотрудницы — Валентина Петровна с тонкими поджатыми губами и Наташа, чьи пальцы с ярко-красным маникюром замерли над клавишами печатной машинки. Обе повернули головы на звонок.

Леонид потянулся к трубке. Аппарат стоял на его столе — разохшемся, с выщербленной столешницей в чернильных пятнах разных эпох. Среди разбросанных бумаг — графиков движения автобусов, схем маршрутов, отчётов о расходе топлива — ютилась полупустая чашка с давно остывшим чаем.

— Плановый отдел, Полётов, — произнёс он бесстрастным тоном, выработанным за годы службы в транспортном управлении.

Пауза, затем в трубке раздался голос, от которого Леонида бросило в холод.

— Здравствуй, Лёня. Бурцев беспокоит.

Валентина Петровна с показным равнодушием перебирала бумаги, но Полётов знал: она ловит каждое слово. Наташа откровенно разглядывала его, перестав барабанить по клавишам.

— Добрый день, Андрей Сергеевич, — ответил он, стараясь говорить ровно. Имя куратора, которого он не произносил вслух несколько лет, далось с трудом. — Чем могу быть полезен?

— Ты сегодня вечером свободен? — Бурцев говорил буднично, словно они виделись вчера, а не расстались после той истории в Институте культурных связей.

— Вообще-то у меня планы... — начал Леонид, но куратор перебил:

— Отмени. В семь часов партийное собрание. Тебе нужно быть.

Полётов замер. Из всех возможных причин звонка бывшего куратора эта была последней, которую он мог себе представить.

— Партийное собрание? — переспросил он, не скрывая удивления. — Но я не...

— Знаю, знаю, — снова перебил Бурцев с лёгким нетерпением. — Но сейчас другие времена. После августа многие переосмысливают позиции. Будут интересные люди. Тебе будет полезно.

Окно кабинета выходило на набережную, где тёк хмурый осенний день. По серой глади реки скользила одинокая баржа под потрёпанным брезентом, и Москва девяносто первого года казалась растерянной — город, который не знал, что делать со свалившейся на него свободой.

— Не понимаю, при чём здесь я, — Леонид говорил тихо, зная, что коллеги прислушиваются. Бурцев когда-то категорически запретил ему вступать в партию, чтобы сохранить чистую легенду для работы с диссидентскими кругами. — Вы же сами мне запретили.

Сухой смешок в ответ.

— Лёня, всё изменилось, — послышался шорох бумаги. — Запиши адрес. Кутузовский проспект, дом, квартира. Седьмой этаж. В семь часов.

Бурцев повесил трубку. Леонид опустил свою — любопытные взгляды коллег он чувствовал и без того, и в нём поднималась глухая досада — раздражение человека, которому меняют правила посреди игры, не потрудившись предупредить.

— Ничего серьёзного? — с деланным равнодушием поинтересовалась Валентина Петровна, поправляя очки.

— Просто давний знакомый, — ответил Полётов, возвращаясь к бумагам.

В девяносто первом слово «партия» звучало как анахронизм. После августовского путча КПСС оказалась под запретом, имущество конфисковали, здания опечатали — и что за партийное собрание может быть сейчас, Леонид не понимал. Бурцев, человек системы до мозга костей, отмахнулся от собственных инструкций, словно те никогда не существовали.

Дешёвая чернильная ручка с треснувшим корпусом оставляла на бумаге фиолетовые буквы. Флаг, присяга, идеология — всё рухнуло, но куратор по-прежнему звонил и отдавал распоряжения.

После августовского путча Полётов смотрел на мир иначе. У Белого дома среди защитников он видел лица обычных людей — конкретных москвичей, готовых умереть за то, чтобы всё изменилось. Под дождём, с транзистором в руках, слушая «Эхо Москвы», Леонид впервые ощутил себя не частью аппарата, а человеком, который может выбирать. Три дня в августе перевернули в нём что-то всерьёз.

— Уже уходите, Леонид Анатольевич? — окликнула Наташа. — А кто будет закрывать кабинет?

— Валентина Петровна закроет, — ответил он, собирая бумаги в серую папку с обтрёпанными углами. — У меня встреча.

Добираться до Кутузовского было непросто: метро забито, автобусы ходили с перебоями, таксисты заламывали цены. Новая эпоха — свобода и пустые прилавки, демократия и страх перед завтрашним днём.

В маленькой подсобке, служившей раздевалкой, пахло сырыми тряпками и дешёвым одеколоном. Полётов снял с вешалки болоньевый плащ — в витринах уже появились яркие импортные вещи, но большинство москвичей по-прежнему носили то, что осталось от прошлой жизни.

Леонид посмотрел на себя в мутное зеркало над раковиной. Двадцать шесть лет, но кожа вокруг глаз уже собиралась в тонкие морщинки — не от возраста, а от опыта. Серый галстук сидел косо, узел съехал влево, и он поправил его отточенным движением — в своё время его учили выглядеть безупречно в любых обстоятельствах. Внешний вид — часть легенды, а легенда должна быть безукоризненной.

Перед выходом Полётов проверил карманы — бумажник с несколькими сторублёвыми купюрами, удостоверение сотрудника «Мосгортранса», связка ключей.

— До завтра, девочки, — привычно бросил он, выходя из кабинета. Но впервые за долгое время Леонид не был уверен, что увидит их завтра. Что задумал Бурцев, и почему именно сейчас, когда прошлое, казалось, отпустило?

Лестница в здании управления была каменной, с истёртыми за десятилетия ступенями, перила отполированы тысячами ладоней до блеска. На первом этаже дремал вахтёр — бывший военный с колючими усами и нашивкой «Вневедомственная охрана» на рукаве потрёпанного пиджака. Увидев Полётова, он только кивнул — знакомые лица не вызвали вопросов.

На улице моросил мелкий осенний дождь, от которого не спасали ни зонты, ни козырьки подъездов, — он просто висел в воздухе, размывая контуры зданий и деревьев. Леонид поднял воротник плаща и зашагал к метро.

В вагоне Полётов машинально отмечал приметы нового времени — самодельные объявления о покупке валюты, цыганку с ребёнком, просящую милостыню, торговца сигаретами, перемещающегося между станциями. Всё это было немыслимо ещё год назад. Страна менялась на глазах, выворачиваясь наизнанку.

Вечерний воздух ударил в лицо, когда Леонид поднялся по ступеням на платформу «Кутузовской» — станции открытого типа, без привычных сводов и колонн, незащищённой от непогоды. Ветер гнал по платформе обрывки газет и пакеты, мимо пронеслись электрички, обдавая ожидающих гулом и вибрацией.

За турникетами открылся проспект — широкий, с редкими прохожими, спешащими укрыться от сырости. Вдалеке высилась знакомая сталинская высотка, а на месте, где раньше красовался транспарант с цитатой генсека, теперь висел рекламный щит западной компании, и прямоугольник свежей краски вокруг него резко выделялся на потемневшем фасаде.

Полётов застегнул верхнюю пуговицу плаща и двинулся в сторону нужного дома.

Здание на Кутузовском проспекте выделялось среди соседних домов — серый гранит облицовки, массивные колонны у входа, широкие окна с плотными шторами. Леонид поднялся по ступеням, отметив про себя чистоту подъезда и работающий лифт — редкость для Москвы девяносто первого года. Консьержка, сухая женщина с настороженными глазами, проводила его до самых дверей лифта, но не окликнула — видимо, список посетителей был согласован заранее.

В кабине лифта пахло одеколоном и сигаретами. Полётов посмотрел на своё отражение в зеркальной стенке — глаза выдавали усталость, но лицо держало нейтральное выражение. Двери открылись на седьмом этаже, и Леонид шагнул в полутёмный коридор с ковровой дорожкой.

Нужная квартира отличалась от других — тёмная полированная дверь с бронзовой ручкой. Он нажал на звонок и услышал глухое дребезжание где-то в глубине. Через несколько секунд дверь открылась, и на пороге появился незнакомый мужчина с военной выправкой, в гражданском костюме, сидевшем на нём, как форма.

— Фамилия? — сухо спросил он, оглядывая Леонида с ног до головы.

— Полётов. Меня пригласил Андрей Сергеевич.

Мужчина кивнул и отступил в сторону. Квартира оказалась просторнее, чем можно было ожидать снаружи: длинный коридор с антикварной тумбочкой для обуви, на стенах — гравюры в позолоченных рамках, под потолком — хрустальная люстра с тусклыми лампочками. Густой сигаретный дым висел в воздухе, смешиваясь с запахом дорогого коньяка и чего-то, напоминавшего архивные бумаги и кабинеты на Лубянке.

— Проходите в гостиную, — сказал мужчина, указывая на дверь в конце коридора. — Вас ждут.

Леонид снял плащ, повесил на вешалку и пошёл в указанном направлении. Чем ближе он подходил к двери, тем отчётливее слышались голоса — гудящий мужской хор, иногда прерываемый отдельными восклицаниями. Полётов толкнул дверь и вошёл.

Гостиная оказалась большой, с высокими потолками и лепниной, с окнами от пола до потолка, задёрнутыми плотными бордовыми шторами. Свет давали несколько настольных ламп и торшер в углу. На стенах висели картины — не репродукции, а оригиналы, судя по рамам: пара осенних пейзажей, портрет военного начала века, натюрморт с дичью. Мебель добротная, тяжёлая, явно с довоенных времён, а в центре стоял длинный стол, за которым сидели человек пятнадцать.

Завеса табачного дыма была настолько плотной, что первые несколько секунд Леонид различал только силуэты, но глаза быстро привыкли, и он начал различать лица. Мужчины разного возраста, большей частью пожилые, с внешностью людей, привыкших отдавать приказы. Многие в костюмах прежнего покроя, некоторые в рубашках с расстёгнутыми воротниками, и почти у всех на груди — награды: медали, планки, знаки отличия. Вся советская иерархия, ещё недавно определявшая, кто ты такой, а теперь ставшая памятью о прошлом, — но они носили ордена, и в этом было упрямство.

Бурцев заметил Полётова первым и поднялся навстречу с дымящейся сигаретой в руке.

— Лёня, проходи, — сказал он с наигранной радушностью. — Мы тут как раз обсуждаем текущее положение.

Леонид кивнул, избегая рукопожатия — давняя привычка не подавать руку при первой встрече. Бурцев понимающе улыбнулся и указал на свободное место в дальнем углу гостиной:

— Присаживайся. Сейчас Геннадий Александрович делает доклад.

Полётов прошёл через комнату, чувствуя на себе взгляды собравшихся. Многих он не узнавал, но атмосфера была знакомой — так проходили закрытые совещания в комитете, когда обсуждались вопросы, не предназначенные для протокола.

Свободное кресло стояло чуть в стороне от основной группы. Леонид опустил в него, откинулся на спинку и прикрыл глаза — со стороны — расслабленная поза, но слух работал на полную.

Во главе стола, в глубоком кожаном кресле сидел грузный мужчина с массивным лицом и глубоко посаженными глазами — Филипп Денисович Бобков, бывший глава Пятого управления КГБ, которое десятилетиями занималось «идеологической контрразведкой» — выявлением, слежкой и подавлением диссидентов, а теперь, по слухам, инспектор Министерства обороны. Бобков курил, стряхивая пепел в хрустальную пепельницу, и внимательно слушал говорящего, время от времени кивая или хмурясь с тем же прищуром, каким когда-то изучал досье на неблагонадёжных.

Говорил худощавый мужчина лет шестидесяти, с залысинами и нервным тиком левого глаза. Речь его была горячей, он активно жестикулировал — пальцы с зажатой сигаретой описывали в воздухе замысловатые фигуры.

— ...И теперь эти так называемые «демократы» думают, что могут просто списать нас со счетов! — восклицал он, и несколько человек за столом согласно кивали. — Они снесли памятник Дзержинскому. Дзержинскому! Человеку, который создал систему безопасности этой страны, который боролся с беспризорностью и разрухой. На что они его заменят? На статую этого алкоголика Ельцина?

Раздался смех — не весёлый, а жёлчный, с привкусом отчаяния.

— Они не понимают, — продолжал оратор, — что система — это не здания и памятники. Система — это люди. Мы с вами. И пока мы здесь, пока мы живы и мыслим, система продолжает работать.

Полётов смотрел на лица вокруг стола — горечь и надежда вперемешку. Им нужно было верить, что ещё не всё потеряно, что колесо ещё можно повернуть вспять.

— Тулеев — вот на кого нам нужно делать ставку, — говорил тем временем оратор. — Наш человек, проверенный. Не меняет взглядов с каждым новым ветром. Пока другие предавали партию, он открыто выступал против этого фарса с «демократией».

Бобков прочистил горло — негромко, но этого звука хватило, чтобы оратор замолчал и уступил место.

— Спасибо, Геннадий Александрович, — сказал Филипп Денисович глубоким, чуть хриловатым голосом. — Но давайте будем реалистами. Сейчас не время для открытых выступлений. Время для стратегии, которую я называю «глубокое проникновение».

Генерал обвёл собравшихся взглядом, никто не шевелился.

— Нужно затаиться. Переждать. Внедриться в новые структуры. Использовать связи, которые у нас остались, создавать новые. Демократия, рынок, частная собственность — пусть. Мы будем играть по их правилам, но с нашими целями.

Говорил он спокойно и веско, и даже самые раздражённые слушали внимательно — так слушают человека, который держал в руках настоящую власть и знал её вкус.

— Нас объявили вне закона, — продолжил Бобков, и голос его стал жёстче. — КПСС запретили, КГБ реформируют, армию сокращают. Но они не могут запретить наши мозги, наш опыт, наши связи. Мы затаимся. Станем бизнесменами, журналистами, консультантами. Будем улыбаться демократам, пожимать им руки, приглашать на фуршеты, а за кулисами — работать и готовить почву для возвращения.

По гостиной прошёл одобрителный гул. Леонид следил за реакцией сидевших за столом — от фанатичного блеска в глазах до скептической усмешки, но все, похоже, были согласны с главным.

— У нас есть люди в новом руководстве, — продолжал Филипп Денисович. — Есть свои в правительстве, в окружении Ельцина. Многие из тех, кто громче всех кричит о демократии, работали на нас — и будут работать дальше. Наша задача — координация. Действовать согласованно, но незаметно.

Полётов слушал, сохраняя бесстрастное выражение лица. Перед ним сидели стареющие функционеры, готовые предать сегодня то, чему поклонялись вчера, лишь бы остаться у руля. Их жесты, интонации, даже то, как они курили, — всё напоминало заседание парткома, только теперь обсуждалось, как внедряться в структуры «демократов», а не бороться с ними.

Бобков продолжал, и теперь речь шла о конкретных фамилиях и должностях. Леонид узнавал некоторые имена — недавно назначенные чиновники новой администрации, бизнесмены, получившие доступ к бывшей госсобственности, банкиры, в одночасье ставшие миллионерами. У каждого, по словам генерала, были связи с «нашими людьми», каждый в той или иной степени зависел от негласной поддержки бывших структур.

— Новый мир, — говорил Филипп Денисович, — это не конец нашей работы, а её новая форма. Раньше мы защищали социализм от врагов, теперь будем защищать Россию — от тех же врагов, только под другими масками.

Полётов мысленно назвал это собранием обезумевших ветеранов — людей, потерявших не просто власть или кресла, а сам каркас, на котором держалась их картина мира. Теперь они судорожно лепили новую идеологию из обломков прежней, пытаясь приладить старые механизмы к тому, что творилось вокруг.

Леонид сидел с полужакрытыми глазами, и со стороны могло показаться, что он дремлет, — но за этой позой он прятал пристальное внимание, с которым фиксировал каждое слово, каждый жест, каждое имя.

— ...Необходимо создать новую структуру, — говорил теперь один из сидевших за столом, немолодой мужчина с аккуратно подстриженной седой бородкой. — Назвать её можно как угодно — фонд, ассоциация, клуб, — главное, чтобы она служила прикрытием для нашей настоящей работы.

— И финансирование, — добавил другой. — Без денег мы никто. Нужно использовать те каналы, которые остались — зарубежные счета, валюта, недвижимость...

Леонид чувствовал, что происходящее сползает в абсурд. Слова, которые здесь произносились, годились для шпионского романа, но говорили их люди, ещё недавно определявшие судьбы миллионов, — и речь шла не о спасении страны, а о сохранении собственной власти.

Паноптикум — вот что это было. Полётов вспомнил концепцию идеальной тюрьмы, где надзиратель видит всех заключённых, оставаясь невидимым для них, — только здесь надзиратели сами оказались заперты и теперь пытались выбраться.

Бурцев, всё это время молча куривший в стороне, повернулся к Полётову и встретился с ним глазами. Леонид чуть наклонил голову — жест, который можно было прочесть как угодно, — и снова прикрыл веки.

Заседание продолжалось. Говорили о необходимости иметь «своих людей» в новых медиа, о создании подконтрольных банков, о сохранении влияния в армии и силовых структурах — планировали, распределяли роли, строили стратегию в квартире на Кутузовском проспекте, среди антикварной мебели и картин, под прикрытием вечернего сумрака.

Полётов понимал, зачем его пригласили. Ему предлагали вернуться — использовать навыки, опыт работы с людьми, снова стать частью механизма, который он считал мёртвым. От этого понимания подступала тошнота.

В гостиной становилось душно, несмотря на приоткрытую форточку. Тени от настольных ламп ломали лица, и Леониду казалось, что он попал в какой-то загробный мир, где призраки прошлого собрались, чтобы решить судьбу живых.

Полётов знал: что бы они ни решили сегодня, какие бы планы ни строили — жизнь пойдёт своим путём. Страна изменилась, и никакие тайные общества бывших функционеров не повернут историю вспять. Но эти люди были способны наломать дров, прежде чем окончательно сойти со сцены.

Бобков поднялся — грузно, но уверенно. Разговоры стихли мгновенно.

— Товарищи, — Филипп Денисович заговорил, и хрипловатый бас заполнил комнату. — Я внимательно выслушал все выступления и должен сказать: мы слишком много говорим о стратегии и мало — о конкретных действиях.

Генерал прошёлся вдоль стола — массивный, грузный, медали тускло поблёскивали в полумраке.

— Всё, что здесь было сказано о долгосрочных планах, безусловно, важно, — продолжил он, остановившись у окна, за тёмно-красной шторой которого угадывались огни вечерней Москвы. — Но мы упускаем из виду непосредственные угрозы. Те, что требуют немедленной реакции.

Лицо Бобкова с глубокими складками у рта исказилось гримасой:

— Эти так называемые «демократы» — не просто политические оппоненты. Это могильщики всего, что мы создавали десятилетиями. Посмотрите, что происходит с нашей культурой! Вместо Чайковского и Шостаковича — американский рок. Вместо Пушкина и Толстого — бульварные романы с порнографией. Вместо патриотических фильмов — боевики с бандитами и проститутками.

Леонид чувствовал, как воздух в гостиной густеет — раздражение и горечь превращались во что-то другое, злее и нетерпимее.

— Но среди всей этой мерзости, — Бобков понизил голос до полушёпота, — есть особенно ядовитые экземпляры. Те, кто своими песенками и стихами разлагают сознание молодёжи эффективнее любой западной пропаганды. И самый опасный из них — Андрей Стрельцов.

Кто-то из собравшихся громко фыркнул, другой стукнул кулаком по столу так, что подпрыгнула пепельница.

— Этот... — Филипп Денисович запнулся, словно подбирая слово, достаточно грязное для характеристики, — этот субъект выдаёт себя за народного певца. Голос совести, видите ли! А на деле — предатель всего, за что мы боролись. Его концерты — это не развлечение, а идеологические диверсии, замаскированные под искусство.

Генерал порылся во внутреннем кармане пиджака, вытащил сложенный лист бумаги, расправил его, надел очки — на грузном лице они смотрелись почти комично.

— Вот образчик его «творчества», — сказал он. — Послушайте, что этот деятель позволяет себе исполнять на публике.

Откашлявшись, Бобков начал читать с преувеличенной театральностью, подчёркивающей презрение к каждому слову:

— «Аппаратчики вспотели, побросали ордена, нагулялись, нарезвились у нечистого сполна. Сам нечистый утомился — меркнут свечи, стынет зал, расходитесь, черти, — кончен бал».

Последняя фраза хлётко прозвучала в тишине, как пощёчина. Полётов почувствовал, как по спине прошёл холодок — стихи Стрельцова, вырванные из контекста и прочитанные этим сухим, издевательским тоном, звучали как прямое оскорбление. Нечистый, черти, потешные аппаратчики с медалями — всё было слишком узнаваемо.

— И это ещё не самое мерзкое, — Филипп Денисович перевернул страницу. — Вот ещё: «Страну спеленали багрецом и наклонили до ступеней — Булат блеснул над мертвецом, а вердикт провозгласил Палач державный, чёрный гений».

По гостиной прокатился сдавленный гул возмущения, кто-то выругался сквозь зубы — отрывисто и зло. Пожилой мужчина с орденской планкой на лацкане пиджака с такой силой стиснул стакан с коньяком, что казалось, стекло вот-вот треснет.

Полётов перевёл глаза на Бурцева — тот сидел с каменным лицом, но желваки на скулах выдавали напряжение.

— И вы знаете, что самое страшное? — Бобков снял очки, сложил лист и спрятал обратно во внутренний карман. — Это слушают тысячи. Молодые люди, ещё не сформировавшиеся идеологически, повторяют эти строки. Его концерты собирают полные залы, пластинки расходятся тиражами, о которых официальные издательства могли только мечтать. Он формирует общественное мнение эффективнее, чем все эти гавкающие демократические газетёнки вместе взятые.

Генерал обвёл присутствующих тяжёлым взглядом:

— И вопрос: что мы делаем? Ничего. Мы сидим и обсуждаем долгосрочные стратегии, в то время как такие, как этот Стрельцов, разлагают нашу молодёжь и плюют нам в лицо — причём публично, под аплодисменты!

Лица мужчин побагровели, глаза сузились, и Леонид увидел: здесь рождалась коллективная ненависть, готовая к действию.

Из угла поднялся седовласый мужчина в сером костюме — высокий, подтянутый, с прямой спиной и скованными движениями человека, который десятилетиями носил форму. Полётов взгляделся и узнал его: полковник Митрохин, один из руководителей спецподразделений, отвечавших за «особые операции», — человек, чьё имя даже в узком кругу КГБ произносили вполголоса.

— Разрешите? — спросил он, не обращая ни к кому конкретно, но все поняли: вопрос адресован Бобкову. Филипп Денисович кивнул.

— Товарищ генерал совершенно прав, — начал полковник ровным, размеренным голосом, от которого Полётову стало не по себе. — Мы слишком много говорим и слишком мало делаем. И если система временно не может действовать официально, это не значит, что мы должны сидеть сложа руки.

Митрохин обвёл собравшихся цепким прищуром, задержав его на мгновение на Леониде, — и в этом промелькнул профессиональный интерес оперативника, оценивающего незнакомца.

— Я предлагаю вернуться к нашему опыту борьбы с идеологическими диверсантами, — продолжил полковник, понизив голос до доверительного полушёпота. — К тому, что всегда работало безотказно. Нам нужна показательная казнь.

Последние слова Митрохин произнёс отчётливо, без эвфемизмов. Полётов напрягся всем телом. Показательная казнь — не устранение, не нейтрализация, привычные слова из профессионального жаргона, — а именно казнь, слово, несущее пропагандистскую нагрузку.

— Стрельцов должен быть демонстративно расстрелян, — продолжил полковник с той же леденящей рассудительностью. — Так, чтобы это выглядело как уголовное преступление, но послало бы недвусмысленный сигнал всем остальным певунам и рифмоплётам, возомнившим себя голосом народа. Чтобы поняли: есть черта, которую переходить нельзя.

В гостиной повисла тишина. Бобков не произнёс ни слова — только чуть опустил веки и медленно, почти незаметно склонил голову. Этого было достаточно.

Бурцев поднялся:

— Товарищи, предложение прозвучало. Кто поддерживает?

Руки поднялись почти одновременно — без колебаний, без сомнений, как на заседаниях парткома, когда голосовали за очередную резолюцию. Леонид сидел неподвижно, стараясь держать невозмутимость на лице, и только пальцы на подлокотниках кресла чуть побелели. Бурцев бросил на него короткий взгляд и едва заметно наклонил голову, но Полётов не отреагировал — и это можно было трактовать как угодно.

— Единогласно, — подытожил куратор, хотя не все подняли руки. Полётова он в расчёт явно не брал — гость, а не член их импровизированного «политбюро». — Осталось решить организационные вопросы. Кто возьмёт на себя исполнение?

— Это лучше обсудить в узком кругу, — сказал Бурцев тише, обращаясь уже к Бобкову. — После основного собрания.

Филипп Денисович кивнул — снова молча, и в этом молчании было больше, чем в любом приказе:

— Технические детали возьмите на себя, Андрей Сергеевич.

Полётов заметил: Бурцев в этом кругу весил явно больше, чем можно было подумать, — или подобные вопросы были его профессиональной епархией, и тогда всё становилось на свои места.

Дальнейшая часть заседания прошла для Леонида так, словно он смотрел на всё сквозь мутное стекло. Говорили о каких-то фондах, о перераспределении активов, об инвестициях в газеты и телеканалы — обычные дела для людей, привыкших управлять ресурсами и влиянием. Но за этой рутинной невозможностью было скрыто другое: за этим столом только что приговорили человека к смерти и теперь возвращались к повседневности так, будто ничего не произошло.

Мысли в голове Полётова ворочались тяжело: эти люди — серьёзно, это не старческое брюзжание, они действительно собираются убить Стрельцова, и это может сойти им с рук — именно потому, что никто не поверит, будто отставные полковники и генералы на какой-то квартире планируют политическое убийство.

Собрание стало распадаться. Мужчины вставали, пожимали друг другу руки, договаривались о новых встречах, некоторые отошли к дальнему концу зала, где за ширмой был организован лёгкий фуршет. Полётов заметил, как Бобков и Митрохин отвели Бурцева в сторону и говорили тихо, склонив головы друг к другу.

Леонид поднялся, разминая затёкшие ноги. Ему хотелось как можно скорее выбраться отсюда — от табачного дыма и спиртного, от ненависти и застарелых обид, — и он двинулся к выходу, но Бурцев заметил и быстро закончил разговор с теми двумя:

— Лёня, подожди, я с тобой, — сказал, поймав взгляд Леонида.

На лестничной площадке было тихо. Из-за закрытых дверей соседних квартир доносился приглушённый звук телевизоров — обычная жизнь текла рядом, не подозревая, что за стенкой только что приговорили человека к смерти.

Спустились молча. Бурцев шёл впереди, Леонид держался на полшага позади — введшийся инстинкт не поворачиваться спиной к человеку, которому не доверяешь до конца. На улице оба замерли под козырьком подъезда: морось усилилась, превратившись в дождь. Жёлтый свет уличного фонаря падал на мокрый асфальт, и за пределами неровного светового круга стояла плотная темнота.

— Ты понял, о чём шла речь? — спросил Бурцев, зажигая сигарету.

— Не думаю, что можно было понять неправильно, — ответил Полётов ровным голосом.

Они вышли из-под козырька. Потoki воды барабанили по плечам и спинам, мимо с шипением проехала машина, обдав их брызгами, но ни один не обратил на это внимания.

— Теперь ты понимаешь, куда катится страна? — спросил куратор.

— И вы тоже так думаете, — ответил Леонид, глядя не на собеседника, а на дождевые струи, падающие сквозь конус жёлтого света.

Фраза была нарочито двусмысленной: можно было услышать и согласие с оценкой ситуации, и осуждение.

Бурцев шагнул ближе, почти вплотную. Капли стекали по его лицу, собирались на кончике носа, и коньячный дух смешивался с запахом мокрого сукна пальто.

— Страна на краю, Лёня, — произнёс он. — И мы должны действовать. Решительно.

Полётов молчал, не отводя глаз, но и не кивая — просто стоял, ни шага вперёд, ни шага назад.

Бурцев ждал ответа несколько секунд, не дождался, затаился последний раз и щелчком отправил окурок в ближайшую лужу.

— Я позвоню тебе завтра. Будь на связи.

Это был не вопрос и не просьба — приказ. Прежний Леонид ответил бы «есть», даже если бы мысленно послал куратора к чёрту, но сейчас он просто кивнул — без энтузиазма, без обязательства.

— Доброй ночи, Андрей Сергеевич, — сказал Полётов, повернулся и зашагал прочь.

Ливень не утихал, холодные струи стекали за воротник, но Леонид не ускорял шаг. Он стал свидетелем безумия — группа пожилых людей, потерявших власть, всерьёз планировала политическое убийство и, судя по всему, располагала для этого ресурсами.

Что должно произойти, чтобы Стрельцова действительно убили? Достаточно ли решения кучки стариков в прокуренной квартире — или это просто мстительные фантазии обиженных ветеранов, упивающихся последними каплями воображаемой власти?

Леонид дошёл до метро, когда вход уже перегораживала металлическая решётка, а дежурная как раз готовилась закрыть её на ключ.

— Опоздали, гражданин. Метро закрыто.

Пришлось ловить такси — машины с шашечками, водители которых заламывали цены, ссылаясь на дорогой бензин и инфляцию. Всю дорогу до дома Полётов молчал, глядя на ночную Москву через заплаканное окно. Таксист пытался разговорить его, жаловался на жизнь, на цены, на новых русских, но, не получив отклика, включил приёмник и погрузился в бульканье какой-то ночной передачи.

В квартире было темно и холодно — батареи едва теплились. Леонид щёлкнул выключателем, но свет не зажёгся: опять отключили электричество, перебои случались всё чаще, особенно по ночам.

На ощупь добрался до кухни и зажёг газовую плиту. Синее пламя осветило тесное пространство: посуда в мойке, банка с растворимым кофе, тетрадь с записями на столе — быт одинокого мужчины.

Мысли скакали. Что, если старики действительно располагают каналами, агентами, готовыми выполнить любой приказ?

Резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть. Леонид снял трубку, и прежде чем успел произнести хоть слово, услышал знакомый голос:

— Лёня? Это снова я. Прости за поздний звонок, но дело срочное. Завтра жду тебя на Большой Грузинской. Помнишь старую квартиру? Вот там. И не опаздывай — разговор будет серьёзный.

Бурцев повесил трубку, не дожидаясь ответа. Полётов медленно положил телефон на рычаг. Большая Грузинская — прежняя конспиративная квартира КГБ, место, где он бывал десятки раз: задания, отчёты, встречи, о которых не должно было оставаться бумажного следа.

Механизмы системы, как выяснилось, продолжали работать. Даже сейчас, когда её официально не существовало.

Глава 3. Стрелок

Погода стояла промозглая, с тем особым сентябрьским холодом, который ещё не донимает, но уже напоминает о зиме. Леонид поднял воротник тонкого пальто и ускорил шаг по Большой Грузинской. На деревьях вдоль бульваров листва ещё держалась, но уже пожелтела по краям, а фасады домов казались привычными и незнакомыми разом — та же облупившаяся краска, те же выщербленные ступени подъездов, и всё-таки что-то сдвинулось, хотя определить это словами Полётов бы не взялся.

Район он узнавал по ориентирам. Газетный киоск на углу никуда не делся, только вместо «Правды» и «Советского спорта» в нём пестрели обложки «МК», «Коммерсанта» и журналов с полуобнажёнными красотками.

Леонид дошёл до нужного дома — сталинка с лепниной по фасаду и колоннами у входа — и автоматически скользнул взглядом по окнам четвёртого этажа. Шторы были задёрнуты, как всегда. В подъезде пахло кошками. Лифт работал, хотя кабина поднималась медленно и со скрипом. Полётов посмотрел на своё отражение в мутном зеркале задней стенки — усталое лицо, морщины на лбу, складка у губ — и поправил галстук привычным жестом.

Четвёртый этаж, квартира сорок два. Дверь с потускневшим номером ничем не выделялась, но Леонид помнил, что за деревянной обшивкой — стальная пластина и два дополнительных замка. Полётов надавил на звонок и услышал тихую трель внутри, а через несколько секунд за дверью послышались шаги, шорох у глазка, и замки щёлкнули один за другим — первый, второй, третий.

На пороге стоял Бурцев.

— Входи, — коротко бросил тот, отступая в сторону.

Прихожая выглядела точно так, как при их последней встрече: коричневые обои, тусклая лампа под абажуром, вешалка с крючками в форме рогов. Бурцев сдал — некогда подтянутая фигура обмякла, под глазами легли тени, щёки покрылись нездоровой краснотой, но глаза — серые, цепкие — смотрели по-прежнему остро.

— Проходи, — куратор кивнул на дверь гостиной. — Я приготовил кофе.

Знакомая обстановка: массивный стол у окна, книжный шкаф вдоль стены, диван с потёртой обивкой. Застоявшийся воздух пропитался запахом табака и кофе, как в дешёвой забегаловке. На столешнице стояли две чашки и пепельница, полная до краёв, — хозяин явно ждал давно и нервничал.

Бурцев указал на свободный стул по другую сторону стола.

— Садись. Выпьешь что-нибудь? Кофе, коньяк?

— Только кофе, — ответил Леонид, опускаясь на стул. — Разговор, я так понимаю, требует трезвой головы.

Куратор усмехнулся, наливая из кофейника.

— Всё такой же прагматик. Не меняешься.

— Меняюсь, — возразил Полётов. — Все меняются. Страна меняется. Только вы, кажется, застыли.

Бурцев пропустил шпильку мимо ушей, сел напротив и достал из выдвижного ящика коричневую папку с красной полосой по диагонали — старый формат секретного делопроизводства. Вытащил бумаги и фотографии, разложил перед Леонидом.

— Знаешь этого человека? — куратор подвинул к нему глянецовый снимок.

Леонид посмотрел: Андрей Стрельцов на сцене, в свете софитов — тонкое лицо с резкими чертами, глаза в прищуре, гитара в руках. На другом кадре, более крупным планом, певец выходил из какого-то здания, оглядываясь через плечо.

— Знаю, — ответил Полётов. — Вся страна его знает. Певец, поэт, не боится говорить правду.

— Не философствуй, — поморщился Бурцев, доставая новые листы. — Мне нужен профессионал, а не моралист.

Куратор разложил перед Леонидом схему концертного зала «Юбилейный» в Ленинграде — входы, выходы, служебные помещения — а рядом расписание выступлений на октябрь, с обведённой датой: восьмое число.

— Замысел простой, три этапа, — Бурцев постукивал пальцами по столешнице. — Первый: певица Замира Акишева устроит скандал в гримёрке из-за очередности выступлений. Она наш человек, всё согласовано, потребует закрывать вечер вместо Стрельцова — в конце программы всегда выступают звёзды, и она это прекрасно понимает.

Куратор положил фотографию женщины лет тридцати с агрессивным макияжем и высокой причёской — даже на карточке было видно, что она привыкла командовать.

— Второй этап: директора Стрельцова, Виктора Семёновича, втянут в инсценировку потасовки. Горячий мужик, легко заводится, охрана вмешается, поднимется шум, и в этом шуме...

Бурцев выдержал паузу и положил последнюю схему — план служебных помещений с рядом гримёрок и красным крестиком на одной из них.

— Третий этап: стрелок дожидается, когда директора доведут до точки. Семёнович, как мы выяснили, всегда носит с собой пистолет; когда тот его вытащит — а он вытащит, можешь не сомневаться — исполнитель должен воспользоваться этой секундой. Один выстрел в область сердца, не в голову, иначе сразу станет ясно, что работал профессионал. Оружие — в сливном бачке мужского туалета, в водонепроницаемом пакете.

Леонид смотрел на разложенные листы. Всё было проработано до мелочей — ни случайностей, ни свидетелей, ни следов.

— Работа должна быть выполнена чисто, — продолжал Бурцев, прикуривая новую сигарету. — Без лишнего шума. Один хлопок и уход. В СМИ пройдёт как ссора, переросшая в убийство, повесят на кого-нибудь из участников — может, на охранника, может, на директора. Дело закроют через пару недель.

Куратор замолчал и посмотрел на Леонида, ожидая реакции, затем медленно вытащил последнюю папку и пододвинул её к Полётову.

— Исполнитель — ты.

Леонид почувствовал, как его лицо застывает, руки остались спокойными, и только зубы непроизвольно сжались так, что заныли челюсти. Полётов смотрел на папку, не прикасаясь к ней, — внутри наверняка лежали документы прикрытия, деньги, билеты, точные инструкции, всё необходимое для убийства человека, которого Леонид никогда не встречал, но чьи песни слышал и ценил за их честность.

— Нет, — сказал Полётов и отодвинул досье от себя.

— Что значит «нет»? — Бурцев нахмурился.

— Именно это и значит. Я не палач, Андрей Сергеевич. Моя работа — агент влияния, я работаю с людьми, с идеями, с обществом, а не стреляю в музыкантов за их песни.

Бурцев затянулся, помолчал, выпустил дым через ноздри, и тон его стал размеренным, хотя взгляд — жёстче:

— Ты забываешь о своём долге, Лёня. О присяге, которую давал. О том, что служишь не отдельным людям, а системе, стране.

— Я никогда не был членом партии, — парировал Леонид. — Вы сами мне это запретили, если помните. «Чтобы не оставлять бумажный след», как вы тогда выразились. И присягу я давал государству, а не группе отставных офицеров.

Бурцев побагровел, и сигарета в его пальцах дрогнула, рассыпав пепел на бумаги.

— Не забывайся, — куратор перешёл на шёпот. — Ты всё ещё наш сотрудник и обязан выполнять приказы.

— Нет, Андрей Сергеевич, — Полётов медленно поднял взгляд. — Я служил системе, выполнял приказы, пока за ними стояло государство. А вы предлагаете мне стать вашим личным киллером. Где подпись руководства? Где санкция? Их нет, потому что то, что вы предлагаете, — не спецоперация, а обычное убийство.

Бурцев молчал, только желваки на скулах ходили ходуном. Леонид видел, что куратор кипит от ярости и бессилия, а сделать ничего не может: власть, на которую тот привык опираться, перестала существовать вместе с расформированным Комитетом.

— Ты пожалеешь об этом, Лёня, — произнёс наконец Бурцев, вдвигнув сигарету в пепельницу. — Мы всё помним. И предательства тоже.

— Это не предательство, — ответил Леонид. — Я отказываюсь быть убийцей.

Куратор собрал материалы обратно в папку быстрыми, злыми движениями, а карточку Стрельцова оставил перед Леонидом.

— Можете идти, — сказал Бурцев, перейдя на официальное «вы». — Если вы нам понадобитесь, мы вас вызовем.

Полётов молча встал и вышел из комнаты, не оглядываясь. Этот отказ мог стоить ему дорого — Бурцев никогда не забывал и не прощал тех, кто отказывался играть по его правилам.

Ночной воздух ударил в лицо на выходе из подъезда. После душной квартиры холод показался почти благословением — очищающим, отрезвляющим. Леонид запахнул пальто и глубоко вдохнул, стараясь вытеснить из лёгких застоявшийся табачный запах.

Москва лежала тёмная, освещаемая лишь тусклым светом фонарей, пробивавшимся сквозь ветви деревьев с поредевшей листвой. На пустынных улицах изредка мелькали одинокие фигуры прохожих. Полётов шагал по тротуару и на каком-то шаге остановился, опершись рукой о холодный ствол дерева. Мысль, от которой Леонид отмахивался всю дорогу, наконец оформилась с пугающей ясностью: Стрельцова всё равно убьют. С ним или без него — сценарий будет исполнен: Бурцев найдёт другого стрелка, менее опытного, менее аккуратного, но достаточно надёжного. Полётов отвёл от себя роль убийцы, но не остановил операцию. Леонид сглотнул горький ком и двинулся дальше, ускоряя шаг.

Перед подземным переходом горел огонёк ночного киоска. Продавец — молодой парень в вязаной шапке, с небритой щетиной на лице — лениво перелистывал журнал. Полётов остановился и купил пачку «Явы». Раньше он курил только на заданиях, если нужно было соответствовать легенде, а теперь потребность хоть ненадолго отвлечься от услышанного пересилила привычку.

— Огоньку не найдётся? — спросил Полётов.

Продавец молча протянул дешёвую пластмассовую зажигалку. Первая затяжка обожгла лёгкие, в горле запершило, однако Леонид продолжил дымить, глядя на фонари вдоль бульвара. Нужно что-то сделать, нужно предупредить музыканта — но как?

Мысль об анонимном звонке пришла первой: набрать телефон концертной площадки, оставить сообщение. Однако звонки легко отслеживаются — телефонистка запомнит интонацию, техники установят, откуда звонили, а если Бурцев пустил дело по официальным каналам, у них есть доступ к аппаратуре прослушивания.

Полётов прошёл мимо закрытого гастронома с тёмной вывеской, через решётку на витрине виднелись силуэты пустых полок и накрытый чехлом кассовый аппарат.

Может быть, написать анонимку — на обычной бумаге? Этот вариант тоже не выдерживал проверки: бумагу отследят по составу, почерк — по нажиму и форме букв, даже напечатанный на машинке текст оставляет индивидуальный след — мелкие дефекты шрифта, особенности давления на клавиши.

Или передать через кого-то, найти посредника? Эта мысль продержалась чуть дольше, однако и она оказалась тупиковой: любой посредник — потенциальный свидетель, а в мире рок-музыки слишком много людей, сотрудничающих с органами.

На перекрёстке Садовой и Малой Никитской Леонид остановился у светофора. Красный свет горел бессмысленно — машин на улице почти не было, и Полётов перешёл дорогу, не дожидаясь зелёного.

Любое вмешательство раскрыло бы его как агента, отказавшегося выполнять приказ, а это означало не просто конец карьеры — возможно, конец жизни. КГБ сменил вывеску на МБ, а методы остались теми же: несчастные случаи, исчезновения, неожиданные самоубийства. С другой стороны — смерть человека, чьи песни заставляли людей думать, чувствовать, сомневаться. Стрельцов не был диссидентом в традиционном смысле — просто пел о том, что видел, без прикрас и без идеологии, и именно это делало его опасным для тех, кто привык к неискренности.

Вернувшись домой, в квартиру на Преображенке, Леонид долго не мог уснуть, ворочался в постели, прислушиваясь к звукам города за окном, и в голове крутились строчки из песни Стрельцова: «И слово твоё — закон, и совесть твоя — конвой, но что, если сам закон сгнил, как паралитик, изнутри?»

Оставшиеся дни сентября Полётов собирал вырезки из газет с анонсами выступлений певца. В «Вечерней Москве» промелькнуло интервью, где артист говорил о планах большого тура по России — Москва, Ленинград, Екатеринбург, Новосибирск. Восьмого октября — концерт в «Юбилейном».

С каждым днём Леонид спал всё хуже, почти не ел, механически выполнял работу в «Мосгортрансе», перекладывая бумажки и стараясь не встречаться взглядом с коллегами. Вечерами возвращался домой, включал радио и слушал последние новости, ожидая услышать что-нибудь о певце. Однако мир вокруг продолжал жить своей жизнью — политические скандалы, экономические проблемы, криминальная хроника.

В последний день месяца Соколов, начальник подразделения, вызвал его к себе перед концом рабочего дня. Леонид вошёл в кабинет, но тот даже не поднял головы от бумаг и только указал рукой на стул напротив.

— Полётов, у меня для вас командировка, — Соколов протянул ему папку с бланком. — В Ярославль. Транспортное управление запросило консультацию.

Полётов понимал: Бурцев специально убирал его из Москвы, чтобы не мешался под ногами, а изменить что-либо Леонид уже не мог.

В Москву Полётов вернулся третьего октября — измотанный, с красными от недосыпа глазами. От автовокзала на Щёлковской до дома на Преображенке добирался троллейбусом. Потрёпанная машина дребезжала на каждой выбоине, штанги срывались с проводов на крутых поворотах, и водитель — женщина в оранжевой жилетке поверх синей телогрейки — каждый раз выскакивала наружу с длинным шестом, чтобы вернуть «рога» на место, громко ругаясь, не стесняясь пассажиров.

Троллейбус полз через Черкизовский мост, с трудом одолевая подъём. Справа виднелся Измайловский парк — заброшенный, с неубранной листвой и пустыми аллеями. Полётов смотрел в окно, машинально отмечая, как изменился город за те дни, что его не было: кто-то успел разрисовать трансформаторную будку, в скверике появились яркие китайские киоски с сигаретами и жевательной резинкой, а на остановке повесили плакат с западной содовой — красно-белая банка с надписью латиницей на фоне облупившейся советской мозаики.

Троллейбус выехал на самую высокую точку моста, и Леонид увидел Измайловский дворец спорта. Некогда серое здание с простыми геометрическими формами было целиком закрыто огромным рекламным плакатом: лицо Андрея Стрельцова, увеличенное до невероятных размеров, на весь фасад — чёрно-белый портрет, с которого глаза певца смотрели

прямо на проезжающих по мосту. Под портретом огромные красные буквы гласили: «АНДРЕЙ СТРЕЛЬЦОВ. ЕДИНСТВЕННЫЙ КОНЦЕРТ. 15 ОКТЯБРЯ».

Полётов вцепился в поручень так, что побелели костяшки. Выступление пятнадцатого октября в Москве не состоится, потому что восьмого — в Ленинграде, во дворце «Юбилейный» — артиста ждала смерть. До концерта оставалось три дня, и если Бурцев не изменил сроки, эти три дня для певца будут последними.

Лицо на плакате казалось живым — седеющие виски, острые скулы, глаза, смотрящие прямо на Полётова сквозь запотевшее стекло троллейбуса. Яркое полотно на фоне низкого серого неба над Москвой било по глазам, и Леонид на секунду замер, не в силах отвернуться.

Троллейбус дёрнулся и встал, провода над ним заискрили, свет в салоне замигал.

— Сломались! Всем на выход! — раздражённо крикнула водитель, натягивая перчатки.

Леонид вышел последним, оглядываясь через плечо на портрет музыканта, уже едва различимый сквозь морось. Пассажиры ругались, кто-то ловил такси. Мелкие капли воды оседали на воротнике, от сырости стыли пальцы, но Полётов не чувствовал холода — стоял, не двигаясь, пока люди обходили его со всех сторон. Он чувствовал: нужно действовать — сейчас, немедленно.

До Преображенки Леонид добрался пешком. В квартире сразу бросился к телефону. Справочная 09 работала с перебоями, Полётов несколько раз набирал цифры, прежде чем металлический женский голос соизволил ответить.

— Мне нужен телефон концертного зала «Юбилейный» в Ленинграде, — сказал Леонид.

— Ленинград — это междугородняя связь, — проскрипела трубка. — Обратитесь в междугороднюю справку.

— Это срочно! — почти выкрикнул Полётов, однако в трубке уже звучали короткие гудки.

Справочное бюро междугородней связи сообщило номер «Юбилейного» через час, ещё столько же ушло на ожидание соединения. Наконец, когда в трубке раздался гудок, а потом сонное женское «Юбилейный, слушаю», Леонид вдруг понял, что не представляет, что сказать.

— Аллю, — повторила женщина. — Говорите.

— Это касается выступления Стрельцова, — начал Леонид. — Восьмого числа.

— Вас плохо слышно, — собеседница явно торопилась от него отвязаться. — Если насчёт билетов, то всё продано.

— Нет, я хотел предупредить... Существует угроза жизни артиста, — Полётов понимал, как нелепо это звучит.

Молчание, потом раздражённый вздох:

— Молодой человек, вы уже десятый за неделю. Все звонки регистрируются и передаются в милицию. Если это хулиганство...

— Это не хулиганство! — перебил Леонид. — Послушайте, я точно знаю...

— Откуда знаете? Кто вы такой?

Полётов осёкся.

— Послушайте, — сказал он тише. — Просто передайте Стрельцову, чтобы он отменил выступление.

— Фамилия и адрес звонящего? — в голосе женщины прорезались официальные нотки.

Леонид повесил трубку. Звонить Стрельцову домой было бесполезно — все линии наверняка прослушивались. Писать, пытаться прорваться через охрану — тоже без толку. Оставалось одно — ехать в Ленинград и перехватить певца до вечера. Но если Полётов появится в городе и попытается встретиться с музыкантом, его задержат или убьют. Последнюю попытку Леонид уже сделал — и провалил.

Восьмого октября Полётов не вышел на работу, позвонил и сказался больным. Телевизор работал с утра, переключённый на новостной канал. Леонид сидел в кресле и понимал, что

где-то в Ленинграде в эти часы разыгрывается спектакль, написанный Бурцевым, — и ничего не мог с этим сделать.

Вечером программу текущих новостей прервали. На экране появилось лицо дикторши.

— Срочное сообщение из Санкт-Петербурга, — произнесла она с той особой интонацией, которая сразу давала понять: случилось непоправимое. — Сегодня вечером во Дворце спорта «Юбилейный» после выступления произошла трагедия. Известный исполнитель Андрей Стрельцов был застрелен в гримёрке. По предварительным данным, убийство произошло в результате конфликта между директором певца и охраной зала. Во время потасовки прозвучали выстрелы, от полученных ранений Андрей Стрельцов скончался на месте.

Леонид сидел, не двигаясь, а перед глазами стояли схемы из папки Бурцева, в ушах звучал ровный голос куратора, объяснявшего сценарий: Замира Акишева устроит скандал, директора втянут в ссору, охрана поднимет шум — всё точно, до мельчайших деталей.

— По словам очевидцев, — продолжала дикторша, — конфликт начался из-за очередности выступлений. Певица Замира Акишева потребовала права закрывать вечер вместо Стрельцова, что вызвало возмущение директора артиста. Возникшая перепалка переросла в рукопашную, в которую вмешалась охрана. По неподтверждённым данным, директор выхватил пистолет, но стрелял не он...

Дикторша сделала паузу и прочитала заключение медиков: «По данным врачей скорой помощи, смерть наступила от огнестрельного пулевого ранения грудной клетки с повреждением сердца и левого лёгкого. Пуля, прежде чем попасть в грудную клетку, прошла через кисть левой руки артиста».

Леонид схватился за голову. Каждое слово из новостей повторяло замысел Бурцева — они всё-таки сделали это. Но фраза про кисть руки не укладывалась в сценарий. Полётов прокрутил её в голове ещё раз: пуля прошла через кисть левой руки и попала в грудную клетку. При стрельбе в упор, в неразберихе, жертва не успевает поднять ладонь для защиты с такой точностью, чтобы свинец прошёл насквозь и сохранил убойную силу. Либо Стрельцов стоял лицом к стрелку и поднял руку, пытаясь закрыться, — а тогда палили не в спину, не в толчее, а в лицо, прицельно. Либо — и от этой мысли Полётова прошибло холодом — стрелков было двое. Один действовал по сценарию Бурцева, стреляя под прикрытием потасовки, а второй подстраховывал — тот, чья пуля и попала в грудь певца через поднятую ладонь.

Они подстраховались. Отправили двоих. У Стрельцова не было ни единого шанса.

На экране показывали кадры с места трагедии: оцеплённый «Юбилейный», толпа перед входом, милицейские машины с мигалками, носилки, выносимые санитарями, тело под белой простыней с тёмными пятнами... Полётов рывком встал и выключил телевизор, в наступившей тишине стало слышно, как тикают часы на кухне.

На негнущихся ногах он добрался до холодильника, где стояла начатая бутылка «Столичной». Стакан наполнился до краёв, и Полётов выпил его одним махом, не поморщившись. Второй — так же. Третий. На четвёртом пальцы разжались, стакан упал на линолеум и покатился с глухим звоном. Леонид сполз по стенке, не чувствуя, как спина ударилась о батарею.

Полётов точно знал, что человека собираются убить, — и не сумел ничего сделать. Место, время, сценарий — всё это было ему известно, но доказательством в суде никогда не станет. Потому что никакого суда не будет — люди, заказавшие убийство Стрельцова, были выше любого закона. С этой виной Леониду теперь предстояло жить.

Глава 4. Кто виноват и что делать?

Полётов замолчал. В гостиной балканского особняка стало тихо — так бывает после долгого, мучительного разговора, когда всё уже сказано и ничего не вернёшь. Оливковые деревья за окном отбрасывали дрожащие тени на стены. Леонид сидел неподвижно, глядя на свои руки — руки, которые больше тридцати лет назад могли предупредить, могли спасти, но ничего не сделали.

Марина сидела напротив, забытый блокнот лежал нетронутым на коленях. На щеках блестели слёзы.

Снаружи на дом надвигались сумерки, горные хребты вдалеке погружались в синеву, теряли очертания. Ни Полётов, ни журналистка них не решались заговорить первыми — не потому что нечего было сказать, а потому что слов накопилось слишком много.

Больше тридцати лет назад погиб тот, кто пел правду, когда другие предпочитали отмалчиваться, — бард, отказавшийся прогибаться. Полётов видел изнутри уничтожившую его систему — механику, логику, безжалостность.

Марина провела ладонью по щекам, стирая слёзы, пальцы подрагивали, но взгляд оставался твёрдым.

— Мрази, — произнесла она, и голос срывался — не от страха, а от гнева. — Просто... мрази.

Одно слово — простое, грубое, но точное, вместившее в себя всё: хладнокровное планирование убийства в квартире на Кутузовском, циничный расчёт бывших чекистов, трусливую исполнительность неизвестного стрелка и безнаказанность тех, кто стоял за всем этим.

Леонид молча смотрел, как девушка встаёт, делает несколько нервных шагов по комнате, а потом снова садится — уже ближе к нему.

— Я докопаюсь до сути, — сказала она твёрже. — Лёня, я обещаю: если организаторы и исполнители ещё живы, они предстанут перед судом.

Лицо Полётова скривилось в горькой гримасе, он покачал головой, глядя на неё с жалостью.

— И кого ты посадишь в тюрьму?

Она вскинула подбородок, готовая спорить, но Леонид остановил её лёгким движением руки.

— Бобков умер шесть лет назад, — сказал он ровно. — Официально никогда не предлагал убить Стрельцова, не подписывал приказов, не оставлял следов. На той встрече на Кутузовском не было протокола, не велась запись — только люди, и многие из них давно в могиле.

Он потянулся к столику, взял стакан с водой и сделал глоток.

— А те, кто ещё жив, давно переписали собственные биографии, — продолжил Леонид. — Стали уважаемыми бизнесменами, политиками, общественными деятелями, научились говорить правильные слова о демократии и свободе. Кто поверит писателю с его рассказами о тайных собраниях?

— Но есть же документы, доказательства... — Марина покачала головой.

— Нет никаких документов, — перебил он. — Знаешь, что случилось с большинством архивов КГБ в девяносто первом? Что не успели вывезти — сожгли, что не сожгли — переписали.

Полётов вздохнул и откинулся в кресле. За стеклом густела темнота.

— Бобков, кстати, неплохо устроился после всего, — продолжил он с прежней горечью в голосе. — В девяносто третьем пошёл работать в группу «Мост» к Гусинскому — сначала советником, потом возглавил аналитическую службу. Безопасность, контрразведка. Официально — защищал бизнес от бандитов.

Марина слушала, чуть наклонившись вперёд, вникала — не для статьи, а для понимания. — А вскоре после того был убит Бурцев, — добавил Леонид буднично, словно сообщал о перемене погоды.

Она вздрогнула.

— Убит? Как?

— Официально — бытовое убийство. Зарезал алкоголик в подъезде, якобы случайная ссора. Дело закрыли быстро, убийцу нашли мёртвым через неделю — отравление суррогатом, — он усмехнулся. — Как в плохом детективе — только это была не литература, а моя жизнь.

Автоматические светильники на стенах зажглись, и в их свете скулы Леонида казались желтоватыми, глазницы — провалившимися в глубокую тень.

— Бурцев был не единственным, — продолжил Полётов. — В девяносто третьем — девяносто четвёртом умерло много бывших сотрудников КГБ — инфаркты, инсульты, несчастные случаи. Аппарат избавлялся от тех, кто слишком много знал о прошлом и мог помешать будущему.

Марина подалась ближе, слёзы высохли, и в глазах появился тот жёсткий блеск, который всегда выдавал в ней журналистку, почуявшую близость важного.

— И после всего этого ты ничего не предпринял? — спросила она, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал обвинением.

Взгляд Леонида стал отстранённым — он смотрел не на Марину, а куда-то сквозь стены дома и горные хребты за окном, туда, где остался молодой парень, бессильно стоящий перед телевизором с новостью о гибели Стрельцова.

— Я написал рапорт об увольнении, — ответил он просто.

Заявление об уходе из органов лежало недописанным на кухонном столе. Полётов оттолкнул бумагу и резко встал, одноразовая шариковая ручка покатилась и упала на пол. Недостаточно! Леонид схватил телефонный справочник и принялся листать страницы непослушными руками. Дым от сигарет «Ява» висел под потолком, пепельница переполнилась, окурки лежали горкой. Найдя номер редакции, он выдохнул и потянулся к телефону, но рука замерла на полпути — нет, сначала подать рапорт по всем правилам, и только после официальной отставки набрать «Московский комсомолец». Пусть между первым и вторым будет чистый разрыв, и тогда он расскажет всё: о Стрельцове, о квартире на Кутузовском, о заговоре стариков — не как перебежчик, а как свободный человек.

Над Москвой висел туман — влажный, густой, с запахом прелой листвы и близкой зимы. Леонид брился, разглядывая в зеркале осунувшееся лицо: кожа под глазами потемнела, на скулах выступили красные пятна. Обычно он выглядел моложе своих двадцати шести, но сейчас так измотался, так устал, что определить точный возраст было бы трудно. Бритва скользила по щеке, царапая кожу, оставляя микроскопические порезы, а ему нужно было выглядеть прилично — не как бессонный лунатик, а как сотрудник, принявший взвешенное решение уйти со службы.

Леонид поднял ручку, аккуратно подписал рапорт, ещё раз перечитал, сложил и убрал во внутренний карман пиджака — старого, с протёртыми локтями, но единственного приличного в его гардеробе. Сверху надел плащ — когда-то дорогой, теперь потерявший форму.

Он вышел из квартиры, не позавтракав. В желудке поселилась тяжесть, непохожая на голод. На лестничной площадке стоял дух кошачьей мочи и варёной капусты. Соседка со второго этажа, старуха в вечном синем халате с катышками, мыла ступеньки перед его дверью.

— Опять на службу спозаранку? — спросила она, выжимая тряпку над облезлым ведром.

— А как же, — ответил Леонид, перешагивая через мокрое пятно. — Служба не ждёт.

Он поймал себя на мысли, что говорит банальности, как герой советского фильма. Жизнь развалилась на куски, прежняя система рухнула, а он всё ещё произносит фразы из другой эпохи.

На улице моросил мелкий дождь. Леонид поднял воротник плаща и зашагал к метро. Вокруг спешили люди — хмурые, сутулые, с одинаковыми непромокаемыми сумками в руках. Старик в военной фуражке продавал газеты у входа на станцию, разложив их на ящике из-под помидоров: «Огонёк», «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» — старые названия, новые проблемы.

В вагоне разило мокрой одеждой и дешёвым одеколоном. Поручни были липкими от сотен рук. Напротив сидела женщина с ребёнком — мальчик лет пяти в вязаной шапочке с помпоном грыз баранку, посыпая крошками колени матери, но та не замечала: глаза в никуда, губы сжаты — лицо человека, живущего в режиме выживания.

Полётов вышел на «Лубянке». Эскалатор поднимал его медленно, со скрипом, а наверху, у выхода, сразу обдал холодный порыв ветра, несущий запах близкого снега. Леонид поёжился и зашагал к знакомому зданию. Глаза невольно зацепились за пустой постамент в центре площади — серый гранитный параллелепипед с тёмными пятнами на местах креплений, на котором ещё недавно возвышался «железный Феликс». Магазин «Детский мир» справа сиял витринами, полными ярких игрушек, а напротив стояло здание КГБ, теперь уже МБ, — жёлтое, с тяжёлыми колоннами. Москвичи проходили мимо с непроницаемыми лицами, но за этой маской пряталась привычная тревога.

У входа Полётов замедлил шаг. Перед глазами стояла картина из вечерних новостей: носилки, белая простыня с тёмными пятнами, тело Стрельцова, которое грузили в скорую у служебного входа «Юбилейного», мигалки, бросающие блики на собравшихся — то красный, то синий. Леонид должен был это сделать — если не ради справедливости, то хотя бы ради собственной совести.

Проходная встретила его казённым запахом полироля для пола и бумажной пыли. У входа стоял прапорщик с квадратным лицом и стриженным затылком, в старой фуражке с серпом и молотом — время для него остановилось вместе с идеологией, которую он охранял.

— Документы, — буркнул прапорщик, не поднимая глаз.

Леонид протянул удостоверение. Прапорщик долго изучал фотографию, сверяя с оригиналом.

— Цель визита?

— В административный отдел, к Романову.

Прапорщик поднял брови, но ничего не сказал, сверился с какими-то списками, поставил галочку в журнале, вернул документы.

— Проходите.

Длинный коридор с лампами дневного света, линолеум под ногами, стены цвета сливочного масла — всё точно такое же, каким было до путча, до падения Союза, до новой эпохи.

Полётов шёл, стараясь держаться ровно, но плечи невольно сутулились. Во рту пересохло, он облизнул губы и глубоко вдохнул. За дверями кабинетов слышались приглушённые голоса, стук пишущих машинок, телефонные звонки — обычная рутина учреждения, которая ничем не выдавала, что именно здесь решались чужие судьбы.

Поворот, ещё один пролёт, снова поворот — Полётов знал маршрут наизусть, мог бы пройти с закрытыми глазами. Аромат полироля усилился — где-то рядом уборщица натирала паркет в кабинете начальства.

За углом послышались голоса — два мужских — негромкие, деловые.

— ...так и списали на бытовуху. В газетах даже не упоминали.

— А документы?

— Какие к чёрту документы? Труп, заключение судмедэксперта: множественные колото-резанные раны, смерть от потери крови. Какой-то алкаш напал в подъезде, ограбил и ножом пырнул — часы сняли, кошелек забрали.

— И никто не копает?

— А кому копать? Контора меняет вывеску, все при деле, всем на Бурцева насрать. Отработал своё, списан в расход.

Полётов замер. Контора. Бурцев. Списан в расход. Слова из чужого разговора сложились в одну страшную картину. Мужчины свернули в боковой проход, голоса стихли, а Леонид остался один посреди пустого коридора, сжимая в кармане рапорт так, что бумага смялась. Лицо оставалось неподвижным, только расширившиеся глаза выдавали то, что происходило внутри.

Бурцев мёртв — не погиб от несчастного случая, а убит, ликвидирован своими же. Зачистка следов, уничтожение свидетелей. И он, Полётов, следующий в списке, потому что знает слишком много.

Леонид медленно разжал кулак. Смятый лист выпрямился, но остались складки и заломы. Текст, над которым он корпел всю ночь, теперь казался детской наивностью... Он что, всерьёз верил, что может просто уйти, хлопнув дверью? Что его отпустят с его знаниями, с его памятью о встрече на Кутузовском?

Где-то хлопнуло окно, сквозняк пронёсся по этажу, зашелестел бумагами на стенде с объявлениями. Полётов поёжился — не от холода, а от понимания, насколько он уязвим: стоял в самом центре здания, с рапортом в кармане и планом, который ещё вчера казался смелым, а теперь выглядел самоубийственным.

Послышался звук открываемой двери, раздались чёткие, уверенные шаги. Леонид развернулся и двинулся в противоположном направлении — не торопясь, стараясь не привлекать внимания — обычный сотрудник по обычным делам.

Он не сдал рапорт и не дошёл до административного отдела. Вместо этого направился к выходу — спокойно, неспешно, с каменным лицом, за которым не прочитывалось ничего, кроме отсутствия срочных дел.

Прапорщик на проходной даже не поднял головы, когда Леонид сдавал пропуск, — механическая процедура, рутина.

На улице ему ударил в лицо промозглый ветер. Дождь перестал, но воздух оставался сырым и холодным. Полётов шёл, сжимая в кармане измятый лист — бумагу, которая могла стоить ему жизни. За спиной жёлтое здание на Лубянке по-прежнему возвышалось над площадью — тяжёлое, монументальное, равнодушное к тем, кто там служил. Аппарат продолжал работать, избавляясь от ненужных людей, и Полётов был одним из тех, от кого собирались избавиться.

Леонид сидел в кресле неподвижно, опустошённый, с застывшим взглядом. Только кончики пальцев на подлокотниках едва заметно вздрагивали. Комната в доме на Балканах с её тишиной и вечерним светом казалась после этого рассказа тесной, переполненной словами, которые он тридцать с лишним лет держал при себе.

Марина сидела напротив, не отпуская блокнот, не выключая диктофон — машинальные журналистские рефлекссы, за которыми она пыталась спрятать растерянность. Диктофон продолжал записывать шорохи, паузы, дыхание двух людей, только что переживших тяжёлый разговор. На полях блокнота она рисовала спирали — привычка, которая проявлялась у неё в моменты сильного потрясения.

За стеклом далёкие вершины постепенно теряли чёткость, окутываясь вечерней дымкой. Дневной свет угасал, уступая место полумраку.

Леонид потянулся к стакану с ракией, обхватил стекло ладонью, осторожно поднял, и прозрачная жидкость исчезла в горле одним глотком. Сглотнул, не поморщившись — по многолетней привычке скрывать то, что чувствует.

Стук стакана о деревянную поверхность стола прозвучал резко и окончательно, как точка в конце длинного абзаца. Через распахнутое окно доносилось пение цикад — монотонное, не имеющее отношения к тому, о чём говорилось в этой комнате.

Марина смотрела на Леонида, пытаясь понять — ему стало легче или только тяжелее теперь, когда рассказанное перестало быть только его тайной. Он скользнул глазами по стенам комнаты, задержался на проёме окна, вернулся к ней — так бывает, когда возвращаешься из долгого погружения в прошлое и заново привыкаешь к настоящему.

Цикады за окном стрекотали ровно, не умолкая, и в этом постоянстве звука было что-то успокаивающее — мир не заметил его рассказа и продолжал жить. Леонид и Марина молчали, и в этом молчании не было отчуждения — только объединяющее знание, которое теперь принадлежало обоим.

— Пойдём, — сказал Леонид, поднимаясь из кресла.

Он указал на дверь наружу — туда, где воздух не отяжелел от слов о смерти и предательстве. Простое приглашение, за которым стояло обещание: перерыв, но не конец разговора.

Марина без колебаний выключила диктофон и отложила блокнот — то, что последует дальше, не для записи и не для статьи. Разговор журналистки с «источником» давно перешёл в другое измерение, и обратной дороги к прежней дистанции уже не было.

Они вышли на веранду, где последние лучи заходящего солнца ещё золотили виноградные листья, образующие навес над каменным полом. Леонид взял с крючка у двери старую шляпу с выцветшими полями — привычный жест перед каждым выходом на тропу. Марина накинула на плечи лёгкий шарф, скорее машинально, чем от холода — вечер стоял тёплый, пахло горными травами.

Тропа начиналась сразу за домом — узкая, едва заметная среди камней и низкорослых кустарников. Леонид шёл по ней уверенно, как человек, которому знаком тут каждый камень. Марина шла рядом, подстраиваясь под его неторопливый шаг.

Пахло сосновой смолой и нагретым за день камнем. Где-то вдалеке кричала птица, и крик отражался от скал.

Хрустел гравий под ногами, шуршала потревоженная ящерица, скрываясь в расщелине. Леонид смотрел прямо перед собой, но походка стала чуть свободнее — после рассказа тело расслабилось, как расслабляется голос, когда наконец выговоришься.

Марина время от времени бросала взгляд на его профиль — резкий, с выступающими скулами и глубокими складками у губ. Он выглядел старше своих лет.

Тропа постепенно поднималась, огибая выступы скал, иногда сужалась настолько, что идти рядом становилось невозможно. Тогда Леонид шёл впереди, и Марина видела его спину — прямую, с чуть заметным наклоном вперёд, словно он всю жизнь привык идти против ветра и не мог перестроиться даже в безветрие.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая скалы в золотистый цвет. Тени удлинились, делая каждый камень и каждый склон более выпуклыми. Тени от двух фигур на тропе тоже вытянулись, сливаясь порой в одну длинную полосу, когда тропа поворачивала под определённым углом к солнцу.

Они поднялись уже довольно высоко, когда тропа расширилась, образовав небольшую площадку на выступе скалы. Леонид остановился и повернулся к Марине. Лицо в лучах вечернего солнца казалось моложе — свет сглаживал морщины.

С площадки открывался вид на долину: деревушка с красными черепичными крышами, серебристая полоса реки, квадраты полей — всё выглядело нереальным, игрушечным с такой высоты. Вдалеке поднимались другие кряжи, вершины уже утонули в сиреневой дымке.

Полётов смотрел на этот пейзаж так, будто видел его впервые, хотя стоял тут, наверное, тысячу раз. Ветер трепал седые волосы, выбившиеся из-под шляпы.

Марина стояла рядом, чувствуя, как сердце колотится от подъёма и от всего пережитого за день. Она не торопила Леонида — эта пауза была нужна им обоим.

Внизу жизнь шла своим чередом: крошечные фигурки людей двигались по деревенским улицам, дым поднимался из труб, кто-то разговаривал, смеялся, ссорился — обыденность, которая не прекращалась никогда, ни рядом с трагедиями, ни рядом с предательствами.

Леонид вдохнул глубоко, и плечи на мгновение опустились — едва заметно, но Марина это уловила.

Сумерки наползали из долины. Горные вершины вдали ещё ловили последние лучи, но внизу уже стемнело, и на небе проступали первые звёзды — бледные, едва различимые.

Полётов и Марина стояли на вершине холма, не соприкасаясь, но связанные рассказанным и услышанным. Напряжение, давившее на них в доме, здесь отпустило — осталось только молчание двух людей, которым больше не нужно ничего объяснять друг другу.

Глава 5. Замуж всерьёз

Тропа петляла среди сосен, и влажная земля, покрытая игольником, пружинила под ногами. Недавний дождь оставил на хвое прозрачные капли, они срывались и падали на плечи Леониду, но он не замечал ни холодных прикосновений влаги, ни собственного участившегося дыхания — шёл вперёд с привычной уверенностью, зная каждый камень на своём пути. Марина следовала чуть позади, иногда переводя взгляд с широкой спины спутника на дальние хребты — всё такие же неподвижные и молчаливые.

Воздух пах хвоей и сырой землёй. Дышалось легко, грудь расправлялась, и дождевая свежесть прочищала голову. После тяжёлого разговора о Стрельцове тишина не тяготила, а давала возможность всему сказанному улечься, отстояться, перестать саднить.

Леонид остановился у поворота, пропуская гостью вперёд. Когда та проходила мимо, их руки случайно соприкоснулись — на мгновение, но этого хватило, чтобы ощутить тепло друг друга. Полётов смотрел в сторону дальних вершин, и только где-то в лице на секунду что-то дрогнуло.

— Осторожно здесь, — произнёс он, указывая на узкий участок, где стекающая сверху вода размывает землю. — Держись ближе к скале.

Голос прозвучал неожиданно громко в тишине, нарушаемой лишь стрекотом далёких цикад и шумом ветра в верхушках деревьев. Марина кивнула, сделав, как было сказано, — тропа здесь сужалась, и слева открывался обрыв, не смертельный, но достаточно глубокий, чтобы при падении покалечиться.

Солнце опускалось за горизонт, окрашивая скалы в розовый цвет. В этом свете лицо Леонида казалось моложе, резкие морщины у губ и на лбу смягчались. Бывший разведчик двигался с лёгкостью, которая заставляла забыть о его возрасте, — ступал по камням без колебаний, брал крутые подъёмы, почти не замедляя шага.

У поваленного дерева, перегородившего путь, хозяин здешних троп задержался и протянул руку спутнице. Та приняла помощь без колебаний, и сухие, тёплые, сильные пальцы сомкнулись вокруг её запястья. Полётов помог ей перелезть через ствол, покрытый мхом и лишайником, задержав ладонь девушки в своей чуть дольше, чем требовалось.

За три дня, проведённые вместе в горном доме, они научились понимать друг друга без слов. Марина улавливала малейшие перемены в выражении его лица: как дрогнул уголок рта, когда она сказала что-то забавное, как сдвинулись брови, когда разговор коснулся большой темы, как взгляд стекленел, когда он уходил в воспоминания. Полётов тоже читал её настроение — с привычкой человека, натренированного замечать: как она нервно заправляет прядь волос за ухо, когда волнуется, как облизывает губы, подбирая слова, как барабанит пальцами по колену, обдумывая следующий вопрос.

— Смотри, — Леонид указал на просвет между деревьями.

Марина проследила за его жестом. Внизу открывалась долина: река извивалась среди камней, блестя в лучах заката, на противоположном склоне виднелись крошечные домики — белые точки с красными крышами, а над всем этим возвышались вершины, которым не было никакого дела до людей внизу.

— Здесь красиво, — тихо сказала она, не столько обращаясь к собеседнику, сколько подтверждая очевидное.

— Здесь я понял, что мы — песчинки, — согласился Полётов. — Приходим и уходим, а камни остаются.

В голосе не было горечи — только спокойное принятие. За время разговоров Марина поняла: Леонид не питал иллюзий насчёт собственной значимости, знал цену словам и поступкам, понимал механику власти изнутри и не обольщался. И всё же иногда что-то проступало

— когда он смотрел на неё, на молодую женщину, выросшую уже после всего этого, после КГБ и партсобраний, после разговоров с оглядкой и ночных звонков в дверь.

Тропа снова устремилась вверх, и Полётов пошёл чуть впереди, иногда оборачиваясь, чтобы убедиться, что спутница не отстаёт. На фоне горного склона его фигура выглядела основательно и спокойно, словно давно вросла в это место. На крутом подъёме бывший разведчик протянул ладонь, Марина вложила в неё свою, и сцепленные пальцы помогли ей преодолеть скользкий участок. На этот раз ладони не расцепились сразу — оба простояли так несколько секунд, молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.